

УДК 94(47); DOI 10.26794/2226-7867-2018-7-1-16-23

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ: КОЛЛИЗИЯ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Соловьев Александр Иванович,

д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова
solovyev@sps.msu.ru

Аннотация. В статье выделяется и описывается архетипическая природа отечественного революционаризма, представленного в виде устойчиво воспроизводимых культурных традиций и стереотипов мышления и социальной активности русского человека. В данном контексте выделяются особенности массового и элитарного революционаризма, показываются исторические и современные формы их проявления. Особое значение в воспроизводстве революционаризма придается имперским и деспотическим формам организации публичной власти, на протяжении столетий служивших основным источником формирования и самоосуществления этой гражданской субкультуры. Определяются направления и институциональные условия реформирования политического пространства, способствующие постепенному изживанию в массовом и элитарном сознании революционных настроений и ценностей.

Ключевые слова: революционаризм; культурные архетипы и стереотипы; массовое и элитарное сознание; гуманизм; политические нормы и институты; демократизация.

RUSSIAN REVOLUTIONISM: CONFLICTS OF CULTURE AND POLITICS

Solovyov A.I.,

Doctor of Political Sciences, Professor, head of Department of political analysis of the faculty of public administration of Moscow state M. Lomonosov University, Moscow, Russia
solovyev@sps.msu.ru

Abstract. The article is highlighted and describes the archetypal nature of domestic revolutionism, presented in the form of steadily reproducible cultural traditions and stereotypes of thinking and social activity of the Russian people. In this context, the specifics of mass and elite revolutionism, showing historical and modern forms of their manifestation. Of particular importance in the reproduction of revolutionism is given to Imperial and despotic forms of organization of public authority, for centuries served as the main source of formation and actualization of the citizens' subculture. Determined the direction and institutional context of the reform of the political space, contributing to the progressive eradication of mass and elite consciousness of revolutionary sentiment and values.

Keywords: revolutionism; cultural archetypes and stereotypes; mass and elite consciousness; humanism; political norms and institutions; democratization.

Столетие революции дает повод еще раз обратиться к событиям, произошедшим осенью 1917 г. Понятно, что сегодня мы сталкиваемся с самыми разными, в том числе и прямо противоположными, взглядами на Октябрьскую революцию: и с возвеличивающими ее значение комплиментарными оценками («крупнейшее событие XX века»), и с признаниями ее насильственным переворотом, ввергнувшим страну в гражданскую

бойню и заставившим свернуть с пути прогрессивного развития. Единственное, что объединяет сторонников различных взглядов — это понимание того, что любые революции ведут к стремительному падению одних целей и ценностей и к столь же необратимому возвеличиванию других. Собственно, о качестве этих ориентиров и идет непрекращающийся целый век идеологический и теоретический спор, встраивающий в научный и гражданский

дискурс различные трактовки произошедших событий.

Думается, однако, что парадигма классовых конфликтов, казалось бы, исчерпывающим образом объяснявшая и причины октябрьских событий, и сложные процессы строительства социалистического государства, показала свою принципиальную ограниченность, неспособность релевантно оценить подлинное значение этих процессов и особенно их социально-политические последствия. И это неудивительно, поскольку ХХ в. со всеми его войнами и революциями качественно изменил ту аналитическую рамку, которая давала возможность расставить по своим историческим местам героев и жертв, выигравших и проигравших. Поэтому вряд ли можно глубже увидеть смысл произошедших в России событий, нежели рассматривая их с гуманистических позиций, позволяющих осознать деяния русских революционеров, а также всю степень деградации общества, одни из лучших представителей которого окончили жизнь в сталинских лагерях, застенках ВЧК-КГБ и в вынужденной эмиграции. Десятки миллионов жертв в бывшем СССР и КНР, чьи правящие режимы уничтожили миллионы своих сограждан ради различных версий «социалистической» идеи, заставляют не просто более внимательно взглянуть на события столетней давности, но и понять, какой страшный удар был нанесен в то время по российскому обществу и национальному достоинству государства.

Те же, кто и поныне называют массовые жертвы и судьбы сломанных поколений частью истории и даже гордятся «неизбежными жертвами исторического прогресса», не просто берут на себя моральную ответственность за все эти события, — по сути, такие люди считают возможным и дальше действовать такими же методами, чтобы, не останавливаясь ни перед чем, утвердить новые, близкие им цели и ценности. Впрочем, существование немалой части людей, придерживающихся такой позиции, и помогает понять то политическое наследие, которое соединяет имперскую эпоху российской истории, сталинизм и современный период развития «суверенной демократии».

Однако эта антигуманная, по сути, ментальность во многом объясняет, почему немало россиян сегодня вновь обращаются к политическим смыслам и символам, которые использовались в годы свержения Временного правительства

и даже к аналогичным формам гражданской и политической активности. Поэтому, даже понимая, что многие трагические результаты революционных событий сложились непреднамеренно, сопутствуя неизбежной логике нелегитимного захвата и удержания власти, следует осознавать, что все они отражают национальные черты народа, который позволил осуществиться революционным идеям именно в этой специфической форме.

Думается, что на роль звена, связующего времена и их ключевые традиции, могут претендовать лишь культурные нормы и стереотипы, сквозным образом, из поколения в поколение, синтезирующие актуальные замыслы россиян с определенными ориентирами и ценностями. Действительно, если посмотреть на крестьянские мятежи, революции, жестокое и бессмысленное русское бунтарство и даже дворцовые перевороты, которые страна пережила за столетия своей истории, то (несмотря на все их различия) неминуемо выявится некий социокультурный фундамент, на который опирались и опираются все эти процессы и, говоря научным языком, базовые механизмы политического участия.

Гениальные русские философы, оказавшиеся в гуще событий того времени (но при этом еще не знавшие про сталинские лагеря и репрессии большевиков), весьма точно описали тот культурный феномен, на котором покоился октябрьский переворот (не столько в плане смены власти, сколько в изменении порядка и характера идей и ориентиров). Причем, показательно, что их оценка традиций и стереотипов этого «русского стиля» осуществления власти совпала и с более поздними исследованиями не только отечественных, но и зарубежных ученых [1, 2].

Говоря кратко, наиболее глубоким корнем этой отечественной ментальности ими был признан революционаризм — то прибежище потестарных, политических, гражданских, обывательских чувств и ориентиров населения, которые, пусть и неоднозначно, но неизменно прорывались и в крестьянских мятежах, и в политической наивности декабристов, и в столкновениях элит, оспаривающих в государстве «седалище власти». Н. Бердяев писал об этих чертах русского стиля и «морального склада русского человека» как о форме нездоровья «народного организма», давно терзавшего страну и вырвавшегося наружу в октябре 1917 г. [3, с. 251–282]. С. Франк, в свою очередь, называл это «тяжкой

нравственной болезнью русского национально-го духа», свидетельствующей об «ужасающем общественном бессилии» людей против власти [4, с. 495]. При этом уже тогда философ предупреждал о высокой социальной цене, которую общество заплатит за социальную мечтательность революционеров.

Но русский глубинный революционаризм — это совсем не то, что революционное сознание «русских мальчиков» с их болезненным морализаторством (Ф. Достоевский) или бунтарство и босячество «бывших людей» М. Горького. Это та практически повсеместно распространенная и пока непреодолимая для русского человека онтологическая даже не уверенность, а одержимость (по Бердяеву — «болезненная претенциозность») в утверждении своей «правды-истины» и жизненной позиции, влекущая за собой отрицание права других людей на истину и потому порождающая генетическую потребность во внешних и внутренних врагах, мешающих осуществлению их взгляда на мир. Иначе говоря, естественным сопровождением любых моделей идентификации русского человека была (а для многих остается и поныне) сопутствующая их жизни уверенность в непреодолимой правоте своих представлений о справедливости и порядке — должном и праведном.

Такая искренняя, несгибаемая уверенность в торжестве своих выстраданных идей неизбежно провоцировала не столько настойчивость и непоколебимость позиций, сколько агрессивность в защите своих убеждений. Другими словами, если в быту русский оставался простодушным, искренним и компанейским человеком, комфортно чувствующим себя в семейной и общинной жизни, то в публичной сфере (в отношениях с начальниками и другими людьми, требовавшими как минимум дополнительной аргументации, уступок или просто какого-то маневрирования при столкновении с их воззрениями и интересами) эта непримиримость превращала его в недоговороспособного и даже упертого субъекта с политическим кредо: либо по-моему, либо никак.

Соединение этого нигилизма (по отношению как к другим людям, так и к социальному порядку в целом) с, условно говоря, апокалиптическим отношением россиянина к действительности (создававшим внутреннюю уверенность в том, что все не так, и лучше там, «где нас нет») и порождало (по Достоевскому) тех

внутренних бесов, которые провоцировали его непонимание и даже презрение к организованному сверху порядку и обеспечивающим его законам, стимулируя при этом его глубокую социальную безответственность. Понятно, что такая несгибаемость позиций, сталкивающаяся с такими же укорененными взглядами других, постоянно соскальзывала к насильственным формам утверждения своих идей и настроений.

В этой бесноватости, «злой святости» революционеров, презиравших иные идеи (и даже соратников в деле свержения царизма), незримо проступала их рабская зависимость от призрачной мечты, а болезненная претензия на ее правоту провоцировала ту иступленную страсть в ее достижении, которая заставляла ставить на карту все, не считаясь ни с какими человеческими жертвами. Поэтому «расстрелять» и «повесить» превратились у большевистских руководителей едва ли не в самые распространенные политические призывы, инициировавшие и поддерживавшие гражданскую войну.

Русские философы — современники октябрьских событий — отмечали, что носителям этих культурных норм изначально не хватало ни знаний, ни духовной глубины, чтобы воспринять естественную ценность «государства, культуры, родины, нормативной морали, науки и искусства» [3, с. 261]. Стереотипы революционаризма превратили мышление лидеров революции в схематизированную, плоскую, дихотомическую и антигуманную форму мировосприятия. Сейчас (по прошествии столь значительного времени) хорошо видно, что эти их действия были вызваны внутренним сопротивлением неуклонному усложнению жизни, нарастанию не вписывавшихся в марксистскую догму конфликтов, становящейся все более заметной относительности политических позиций групп и индивидов, неоднозначному переплетению человеческих интересов.

Претендуя на общественное переустройство во имя светлых идеалов, русские революционеры утверждали тот тип мечтательности, для которой была ненавистна сама идея о сложности и многообразии реальной жизни. Как писал Н. Бердяев, это была именно та мечтательность, которая подорвала «возможность для русского народа жить исторической жизнью, исполнять свою историческую судьбу и историческую миссию» [3, с. 281–282]. Отсюда — неизбывный максимализм большевиков, стремление через свой книжный

и личный опыт объяснить все перипетии мира, осознать и изменить смыслы мировой истории. Неслучайно поэтому социализм, возвышающий свои идеи до исторического предела и мессинских горизонтов, представлялся носителям этой доктрины как желаемое и, что характерно, «окончательное состояние», как «решение вопроса о судьбах человечества» [3, с. 262].

К несчастью, такими идеями им удалось заразить широкие необразованные круги русского общества. Что, впрочем, и неудивительно, ибо в годы нестабильности и хаоса основная эсхатологически мыслящая крестьянская масса видела в этих идеях свои мечты о «народном счастье». Ну, а насилие и организационные усилия ВЧК превратили многих из них в сознательных борцов за «светлое будущее», в котором не было места всем иным — священнослужителям, дворянам, военной элите царского времени, кулакам и другим «супротивникам».

Да, «народная тьма» легко поддавалась ложным обещаниям совершенной жизни при социализме. Таким образом, атмосфера, которая, по словам А. С. Пушкина, утверждала «равнодушие ко всякому долгу, справедливости и правде» и «циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству», сменилась на еще более жесткое принуждение общества к счастью, а за бортом этого исторического события остались целые социальные группы соотечественников. Так что наивно-принудительная солидарность непросвещенного населения с безупречно фальшивой версией будущего и предопределила драматические последствия и цену, которую народ заплатил за свое стремление к счастью.

Конечно, революционаризм, столь монолитный в своих базовых очертаниях, был достаточно противоречивым явлением, сплавляя в единое целое сострадательность и бездушие, мечтательность и агрессивность, веру в справедливость своих принципов и нигилизм, идеализм и отщепенство, смиренность и разнузданность, скромность и одержимость. Все эти черты не только формировали этику революционеров, но и создавали некую общественную атмосферу, которая соблазняла людей простотой объяснения сущего и надеждами на безоблачное будущее.

Однако при всей культурной эклектике революционаризм в основном апеллировал к консервативным традициям и воззрениям. Неслучайно С. Франк, усматривая органическое сходство революционаризма и отечественной версии

консерватизма, писал, что им обоим в равной мере присущи «непонимание органических духовных основ общежития, ... любовь к механическим мерам внешнего насилия и крутой расправы, ... сочетание ненависти к живым людям с романтической идеализацией отвлеченных политических форм и партий» [4, с. 491].

Исторический опыт показал, что революционаризм коренится как в эгалитарной толще общества, так и в его элитарных слоях. Другими словами, культурные стереотипы и предрассудки революционаризма, несмотря на социальную, религиозную и этническую разнородность общества, закрепились как в массовых архетипах (отражая неудовлетворенность жизненными условиями и равнодушие властей к народным нуждам), так и в элитарных кругах (чьи различные сегменты были буквально заражены жадной власти и скрытой ревностью к более удачливым соплеменникам).

Естественно, впрочем, что в элитарных и неэлитарных кругах стандарты и ценности революционаризма проявлялись и проявляются по-своему. Однако и там, и там страсть к насаждению своих истин всегда сочеталась с невежеством, эгоизмом, завистью и озлоблением по отношению ко всем другим, чьи чувства и идеи признавались политически и нравственно предосудительными. Даже придя к власти и не имея ни знаний, ни опыта управления, большевики, несмотря на риски обрушения государственной организации, стали огнем и мечом искоренять носителей «буржуазных» знаний. Так что, «победоносное шествие советской власти» убедительно продемонстрировало, что защитники пролетариата и не пытались использовать другие инструменты, кроме силы и принуждения.

Впрочем, такая стилистика построения государства оказалась вполне органичной для значительной части русского общества. Неслучайно (причем, не только в прошлом, но и в нынешнем веке) отечественная история дала (и дает) наглядные примеры расширения революционаризма большевиков в массовых фактах анархизма, черносотенства, антисемитизма, фашизма, этно-радикальных движений, ксенофобии, религиозного экстремизма, сектантства, кликушества. Неслучайно С. Франк считал, что «черносотенный деспотизм высших классов и черносотенный анархизм низших классов» — это одна и та же злая сила. При этом «революционное черносотенство», по его мнению, это еще

и показатель «болезненной раздвоенности русского национального духа» [4, с. 491, 496]. И ни одна революция, ни одна смена идей и власти не смогла избавить людей от этой внутренней порчи, которая не хочет знать никаких идей и ценностей, кроме своих. И даже патримониальная психология не смогла затушить пожар этого революционного самоволия. Не смогла с этим справиться и система имперской власти и ее логическое завершение — сталинизм.

Конечно, трудно, а то и невозможно винить людей, поколения за поколениями живших в условиях абсолютно принудительного, мобилизационного типа госрегулирования, того «полицейски-юридического насилия» (В. О. Ключевский), которое не давало им ощущать себя полноценными гражданами. И если среди народных масс неискоренимость этого внутреннего позыва могла быть как-то осознана (как граница терпения, за которой предел веры в «справедливого царя» выливался в понимание невозможности продолжения такой жизни) и оправдана, то у людей, бравших на себя миссию выражения интересов граждан, эта установка оборачивалась непререкаемым убеждением в справедливости своего морального выбора. Неслучайно наши революционеры из руководителей превращались в мстителей, не останавливающихся перед кровью и страданиями простых людей. Поэтому точно так же, как и во времена Французской революции, когда жертвами борцов с аристократией становились обыватели, в России приход к власти революционеров в октябре 1917 г. развязал кровавую бойню, основными жертвами которой стали простые люди. И все эти «марксистские» лозунги (превращения империалистической войны в войну гражданскую, установления диктатуры пролетариата и проч.) показывают лишь глубинный антигуманизм людей, не щадивших ради своих призрачных идей ни соотечественников, ни друзей и родных. И, обретя власть, большевики поддерживали массовое превращение населения в «павликов морозовых», предающих ради высоких целей своих близких.

В элитных кругах революционаризм проявлялся иначе. И во многом потому, что власть предержавшие не были заинтересованы в том, чтобы любое течение событий ставило под сомнение устойчивость их положения. Поэтому в рамках правящего класса градус преобразования общества смещается в область борьбы семей,

кланов, клик или, говоря современным языком, разнообразных сетевых коалиций элиты, чьи сегменты заинтересованы в упрочении своих статусов и увеличении ресурсов. При этом проигравшие и маргинальные сегменты элиты всегда сохраняли возможность апелляции к низам для использования их в целях легитимации своих корыстных замыслов. Достаточно вспомнить многочисленные вымышленные процессы большевиков против ревизионистов, троцкистов, вредителей и прочих «врагов народа», чтобы увидеть неискоренимую жажду революционного напора у касты победителей.

Одним словом, внутриэлитарная конкуренция и ресурсная одержимость правящего класса, прикрывавшаяся социалистическими лозунгами, была абсолютной политической константой (впрочем, и в дальнейшем эта непреодолимая страсть элиты просто меняла символические формы своего существования). Поэтому нет разницы между фактами использования служебного положения Лениным (в 1918 г. оформлявшим продовольственные пайки на своих умерших родственников), превращением страны в неисчерпаемый кладезь ресурсов для советской партийно-хозяйственной номенклатуры, приватизацией государственной собственности «младореформаторами» в 90-х гг. или созданием форбс-мира политико-административной элитой в 2000-х гг. Суть их одна: власть в России присваивается не для управления обществом, а, прежде всего, для захвата элитой дополнительных ресурсов.

Одновременно элитарный революционаризм, жестко связанный с материальными потребностями его носителей, постоянно совершенствовал технологии использования народного гнева, перенаправляя протестные волны на уничтожение своих противников. Так что для большевиков их идейность, а точнее — фанатизм служил надежным инструментом расчистки политической территории в борьбе с конкурирующими партиями, троцкистами, вредителями, «вражеским подпольем» и другими вымышленными сталинистами «врагами» советской власти.

Возможно, какой-то заслон этой волне революционаризма в то время могли поставить демократически мыслящие интеллектуалы. Однако их отстраненная от реальных политических процессов позиция, да и непонимание того, как живет простой народ, явно уступали напору большевиков, тактически грамотно ведущих

борьбу со своими противниками и разжигающих костер народного гнева к «эксплуататорам».

До революции либеральная интеллигенция выражала внутренний протест государству, «насилующему народную духовность», однако распространенные в народе ценности бунта против несправедливой власти одержали верх, скомпрометировав идеи и либерализма, и демократии. Ну, а истребление после Октября этого крыла интеллигенции и сакрализация переворота надолго затмили для масс идеи сменимости власти, ее зависимости от населения, относительность большинства и меньшинства. В то же время мистификация свободы и братства или воспламенявшие народное сознание символы грядущего успеха на деле прикрывали репрессии и насилие ВЧК. Возможно, именно эти неудачи либеральных мыслителей вкупе со страхом перед репрессиями полностью задвинули демократические ценности на глубокую периферию общественной жизни, оставив в роли духовных просветителей общества сервильных ремесленников коммунистической пропаганды.

Если несколько упростить характеристику революционаризма как ценностно-ориентационного комплекса гражданско-политической активности российского населения, можно с уверенностью охарактеризовать его как проявление «самодержавной политической культуры», ключевой характеристикой которой является властечентричность [5, с. 16]. В этом смысле история российского общества убедительно показала, что все циклы ее жизнеосуществления (когда эти нормы и ценности выходят наружу, обретая публичную форму) непременно оборачиваются возникновением или обновлением авторитарных и тоталитарных режимов, объявляющих о новых методах построения общества будущего. То есть тех типов власти, которые держатся на популизме и патримониальной психологии, сопровождающих борьбу элитарных кланов.

И сегодня, когда, казалось бы, страна прожила четверть века без владычества коммунистов и пусть робкого, но все же движения к демократии, в обществе все еще существует внутренняя опасность, вызванная неиссякаемым революционаризмом граждан. И в народной толще, и в верхах все еще живо обаяние модели — разрушим все «до основанья, а затем...». Этот тлетворный дух нравственно лживого и антигуманного революционаризма, несмотря на определенный прогресс в организации власти,

все также игнорирует понимание ее подлинных изъянов и характер отношений с населением.

Прочность этих внутренних убеждений все еще коренится в травматической психологии человека, воспроизводящей протест против неустроенности жизни и пренебрежения его гражданскими позициями. Беспрецедентный для всей истории страны уровень социально-экономической дифференциации общества, постоянное сужение политического пространства для выражения населением своих интересов и циничное обогащение верхов — все это и по сей день превращает потребность людей в свободе в своеволие, а конкуренцию — в ничем не сдерживаемую и доходящую до озлобления ревность к более удачливым соперникам. Если добавить к этому нарастающую в обществе религиозную и этническую нетерпимость (связанные с миграционными процессами и активизацией террористических элементов), можно понять, почему в стране растет внутренняя напряженность и активизируются протестные движения [6].

Как справедливо отмечает академик Ю. С. Пивоваров, в постсоветском обществе не было никаких специальных программ и акций по десовветизации, декоммунизации и десталинизации общества. Между тем, в Германии сразу после войны проводилась специальная программа по развенчанию ценностей нацизма: молодежь в обязательном порядке возили в бывшие концлагеря, рассказывали о зверствах палачей, небывалых по бесчеловечности пытках и казнях. Однако время показало, насколько это непростая задача — вытравить из человеческого сознания дух расового превосходства. Так, даже по прошествии 10 лет с начала реализации этой программы, почти половина немцев положительно оценивала фигуру Гитлера [7, с. 50].

Что уж говорить о современном российском обществе, где издаются комплиментарные труды об «отце народов» и его палачах-приспешниках? Столь же нетленным продолжают рисовать и образ Ленина как основателя советского государства, забывая о его роли в массовых расстрелах и притеснениях россиян. На фоне такой интерпретации истории невозможно удивляться укоренению в толщах народного сознания презрения к праву, вирусов дремучего антисемитизма и ксенофобии, мессианских и антизападных предрассудков.

Учитывая, что трансформация культурных архетипов соотнесена с жизнью целых поко-

лений, можно с уверенностью утверждать, что основным источником накопления этого разрушительного начала в политической жизни страны является характерная для различных периодов ее истории авторитарная организация власти. И неважно, в какой политической оболочке проживали и проживают жизнь поколения наших сограждан — имперской, тоталитарной, авторитарной, «ручного управления» и проч. Во всех вариантах сердцевинной функционирования этих режимов являлось отсутствие релевантных каналов презентации общественных интересов и уважения властей к личности и интересам гражданина.

В этом смысле нынешний правящий режим делает весьма робкие шаги по необходимому переустройству политического порядка. Однако до сих пор ни институциональный дизайн (утверждающий какую-то карикатурную форму демократии), ни сформированные каналы социального представительства, ни стиль отправления власти не могут вытеснить на политическую периферию многочисленные проявления анархических и радикальных настроений, побороть системные коррупционные практики в правящих кругах. Так, старательная «зачистка» публичного пространства (включая жесткий политико-административный контроль за электоральным процессом и медиасферой) от любых действий несогласных граждан и оппозиции, а также агрессивная пропаганда официального патриотизма (отождествляющая правящий режим и государство) неизбежно ведут к политизации гражданских отношений, избирательному правоприменению и игнорированию общественной повестки.

Конечно, негативных последствий для общества от осуществления такой политической линии, несомненно, больше. Однако главное состоит в том, что такая политика неизбежно загоняет нерешенные конфликты вглубь социальной ткани, провоцируя как нарастание скрытого недовольства, так и сохранение базовых архетипов революционаризма. Свою долю участия в консервации этих разрушительных интенций вносит почти что официальная дискредитация идей демократии и либерализма, а также весьма своеобразная политика памяти, старательно превращающая Великую Отечественную войну в единственный духовно скрепляющий фактор общества, но при этом старательно избегающая адекватной оценки деяний сталинского режима. Излишне говорить, что такая линейная

логика политического размежевания общества на «наших» и «не наших» вкупе с дискредитацией демократических принципов превращает в пустую демагогию любые разговоры о национальной идее и духовных скрепах. Вольно или невольно, но сегодня, как и в 1917 г., власть постепенно уничтожает здоровые ростки гражданского самосознания, способствуя разрастанию культуры негражданственности, увеличению идейных разломов в обществе. Учитывая же дряблость оппозиции и сервильный характер значительной части образованного класса, этому политическому мейнстриму в обществе ничего не противопоставляется. В этом смысле совершенно прав П. В. Макаренко, утверждающий, что «современная Россия и сегодня находится в том же хронотопе начала XX в., от которого мы так быстро хотели «отряхнуться» в 1917 г. и к которому пока так и не сумели вернуться даже после событий 1990-х гг.» [8, с. 394].

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что массовое распространение культурных норм революционаризма предопределило неудачный выход страны из тоталитарного состояния (Ю. Пивоваров). Строго говоря, сохранение этих стереотипов и традиций в политическом теле отечества однозначно свидетельствует о том, что общество граждан (во всем богатстве его социальных и культурных отношений) как не было, так до сих пор и не стало творцом своей социальной и политической жизни. Неудивительно поэтому, что дух внутреннего бунтарства и безответственности сохраняется даже у поколений, для которых гражданская пассивность является нормой жизни. Как пронципально писал М. Мамардашвили, элитарный эгоизм и бесправие народа — это именно те условия общественного состояния, которые свидетельствуют об «отсутствии накопления личностного развития», а следовательно, и о «невозможности политики» [9, с. 161].

Единственный инструмент, способный постепенно вытравить негативные нормы революционаризма из массового сознания — это демократическая (а не показная) организация публичной власти, которая бы уважала интересы личности, каждого человека, которому довелось родиться и жить в России. Конечно, по сути, это вопрос к правящей элите, которая только и способна таким образом организовать пространство власти. Однако есть подозрения, оправданные опытом постсоветского развития, что ее ин-

ституциональная бесконтрольность и патрон-клиентская этика таят в себе решимость прямо противоположного толка. Межкорпоративные формы конкуренции элит за вершины власти показывают стремление лидеров к неограниченному (законами и общественной моралью) доминированию, а следовательно, демонстрируют нам неисчерпаемость революционаризма как культурной нормы правящего класса. И даже инструменты «ручного управления» (а ранее и культа личности) оказываются неспособными обуздать накопление внутренней энергии элитарного революционаризма.

Конечно, можно стараться оптимистично смотреть в будущее, полагая, что повышение качества политических институтов, усиление роли закона и права, отвечающих принципам демократии, создадут необходимые условия для постепенного изживания культурных стереотипов революционаризма. А можно — не менее рационально — констатировать не только трудности на пути этого процесса, но и его длительные временные параметры, в рамках которых страну еще ждут риски и вызовы и справиться с которыми возможно, только опираясь на иную культурную платформу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sochor Z.A. *Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin. Controversy. Studies of the Harriman Institute.* Cornell University Press. Ithaca and London. 1988;
2. Stites R. *Revolutionary dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* N.Y. Oxford University Press. 1989.
3. Бердяев Н. *Духи русской революции // Вехи. Из глубины / сост. А. Яковлев.* М.: Издательство «Правда», 1991.
4. Франк С. *De profundis / Вехи. Из глубины / сост. А. Яковлев.* М.: Издательство «Правда», 1991.
5. Пивоваров Ю. С. *Русская власть и публичная политика. Заметки историка о неудачи демократического транзита // Полис. Политические исследования.* 2006. № 1.
6. Гордеев А. *Эксперты сообщили о резком росте протестных акций в России // Ведомости.* 07.11.2017.
7. Пивоваров Ю. С. *Зарисовки из русского ада // Труды по россиеведению.* Вып. 6. М.: ИНИОН, 2015–2016.
8. Макаренко В. П. *Во что верить? в мысль или в государство? // Труды по россиеведению.* Вып. 6. М.: ИНИОН, 2015–2016.
9. Мамардашвили М. К. *Необходимость себя.* М.: Лабиринт, 1996.

REFERENCES

1. Sochor Z.A. *Revolution and Culture. The Bogdanov-Lenin. Controversy. Studies of the Harriman Institute.* Cornell University Press. Ithaca and London. 1988.
2. Stites R. *Revolutionary dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* N.Y. Oxford University Press. 1989.
3. Berdyayev N. *The Spirits of the Russian Revolution // Milestones. From the depth [Dukhi russkoy revolyutsii // Vekhi. Iz glubiny] / sost. A. Yakovlev.* Moscow, Izdatelstvo «Pravda». 1991. (In Russ.).
4. Frank S. *De profundis / Milestones. From the depth [De profundis / Vekhi. Iz glubiny] / sost. A. Yakovlev.* Moscow, Izdatelstvo «Pravda», 1991 (In Russ.).
5. Pivovarov Yu. S. *Russian power and public policy. Notes of the historian about the failure of democratic transit [Russkaya vlast i publichnaya politika. Zаметki istorika o neudachi demokraticheskogo tranzita]. Polis. Politicheskkiye issledovaniya — Polis. Political studies,* 2006, no. 1. (In Russ.)
6. Gordeev A. *Experts reported a sharp increase in protest actions in Russia [Eksperty soobshchili o rezkom roste protestnykh aktsiy v Rossii]. Vedomosti,* 2017, 7 november (In Russ.).
7. Pivovarov Yu. S. *Sketches from Russian hell // Proceedings of Russian Studies [Zarisovki iz russkogo ada // Trudy po rossiyevedeniyu]. Issue no. 6. Moscow, INION, 2015–2016 (In Russ.).*
8. Makarenko V. P. *In what to believe? in thought or in the state? // Proceedings on Russian Studies [Vo chto verit? v mysl ili v gosudarstvo? // Trudy po rossiyevedeniyu]. Issue no. 6. Moscow, INION, 2015–2016 (In Russ.).*
9. Mamardashvili M. K. *Necessity of self [Neobkhodimost sebya].* Moscow, Labirint, 1996 (In Russ.).